

С каждым новым словом его голос становился тише, и прежде чем он закончил фразу, фигура Го И уже исчезла из виду.

В груди будто камень свалился и Мужун Ли с облегчением выдохнул. Но одновременно почувствовал и странную, глухую пустоту. Он посмотрел на еще дымящуюся воду источника широко открытыми глазами, опустил голову к бурлящей воде и попытался разглядеть своё отражение:

— Мужун Ли, о чем ты вообще думаешь? Ты младший брат императора, генерал центральной армии, ван княжества Юэ. Как ты можешь питать такие... мысли к своему учителю, человеку, что словно отец тебе, к Императорскому Наставнику?

— Какие это ещё мысли возникли у Ли-эра?

Мужун Ли ещё продолжал шептать, когда прямо у него за спиной раздался голос Го И. Белая тень скользнула мимо его взгляда, и знакомая рука — белая, изящная, с длинными пальцами — подняла его согнувшееся тело. На лице Го И всё ещё играла улыбка, очевидно он не понял, о чём шла речь.

— У-учитель! — Мужун Ли вздрогнул от неожиданности и чуть не поскользнулся с круглого камня обратно в источник. Он с усилием удержал равновесие, вдохнул и опустил голову, — Ли-эр... Ли-эр чувствует, что виноват перед Учителем!

С этими словами он снова попытался опуститься на колени.

Го И приподнял брови, не отпуская его руки, и, слегка усилив хватку, удержал его:

— В чём же ты виноват перед Учителем? Если ещё раз встанешь на колени, мы оба снова окажемся по уши в воде!

Он тяжело вздохнул, и, используя ту же силу, что удерживала Мужун Ли, легко потянул его за собой. Всего за несколько шагов они добрались до места, где ранее стоял белый конь Сюньэр.

— Сугун, я знаю, что ты пришёл не просто так. Очевидно, во дворце произошли какие-то перемены, и дело не ограничилось празднованием двадцатилетия твоего брата. То, как ты сейчас ко мне относишься искренне, но в этом есть также определенная причина, почему ты хочешь убедить меня скорее вернуться. Потому я и привёл тебя сюда лечить раны. А ты, осознавая это, чувствуешь себя виноватым, поэтому и вздыхал, пока меня не было, верно?

Одно лишь слово «Сугун» тут же вырвало Мужун Ли из плена его противоречивых чувств, возвращая в реальность. Услышав его, он поднял глаза на Го И и вдруг понял: внешне тот всё ещё казался таким же, каким запомнился ему пять лет назад, но теперь, с прошествием времени, на его лице ясно отпечатались следы тревог и усталости.

По сравнению с тем прежним могущественным Тайфу государства Юэ, исполненным амбиций и власти, нынешний Го И излучал тонкий, почти осязаемый холод, словно исходящий из самой его сущности. Особенно когда он хмурил брови, тогда вокруг него возникала какая-то отчужденность, недостижимость, которую Мужун Ли прежде никогда не ощущал. Это кольнуло что-то в сердце:

— Учитель... Ли-эр... Сугун лишь думает, что перемены в столице стоили Учителю жены, а сыну — матери. Это вина семьи Сугуна, вина, порождённая жаждой власти и соблазнами трона. Но теперь Сугун ещё и получил приказ от Императора пригласить Учителя вернуться ко двору... А ведь Сугун действительно скучает по Учителю, хочет, чтобы Вы снова были рядом... Потому... это действительно ошибка Сугуна!

Эти слова имели несколько слоёв смысла. Однако в ушах Го И они только укрепили его собственные подозрения. Он не заметил боли и горечи, скрытых в глазах Мужун Ли, и всё принял за мимолётную сентиментальность, вызванную чувствами ученика к наставнику, сродни любви сына к отцу.

Он закрыл глаза, глубоко вдохнул и только после этого ответил:

— Хватит преклонять колени. Здесь везде грязь, испачкаешь одежду. Обо всём поговорим позже... в школе.

Мужун Ли почувствовал одновременно и облегчение, и легкую грусть: с одной стороны, учитель больше не стал задавать вопросов, и это было спасением, с другой, некое сожаление осталось в душе. Он облегчённо вздохнул, но вдруг вспомнил что-то и слегка растерялся:

— Да, учитель... Только вот... разве Сюньэр уже не вернулся?

— Прежде чем я впервые встретил Сюньэра, я ведь сам дошёл до этих мест, — Го И, говоря об этом, снова повеселел. Он схватил Мужун Ли за руку и, сияя улыбкой, воскликнул, что непременно хочет «вместе с учеником пройтись по утренним горным пейзажам, показать навыки цигун и отправиться в оазисы великой пустыни и степей, вместе наслаждаясь юностью и свободой!»

Спускаясь с горы, Мужун Ли снова спросил, откуда взялся Сюньэр. Лишь тогда Го И вспомнил, что тот уже спрашивал об этом несколько раз, и с улыбкой начал рассказывать:

— На самом деле, Сюньэр — это Ма-ван* северных степей, относится к ахалтекинской лошади, но другого вида с духовной природой, шерсть у неё снежно-белая, с шелковистым отливом. В том году я уже вернулся с покойным императором в столицу, но ещё не получил титула Тайфу, занимался делами приграничной обороны и часто бывал в Тянь-Шане, на севере. Однажды я вышел из заставы Юймэнь и отправился с секретным письмом в союзной племенной округ на северо-западе, как вдруг попал в бурю. Этот конь лежал прямо в эпицентре шторма. Я отдал ему весь запас воды из фляги и тем спас ему жизнь, а он заслонил меня своим огромным телом от ветра и песка. Лишь когда буря утихла, я понял, что передо мной ахалтекинец. Но тогда он

не пошёл за мной, просто каждый раз, когда я приезжал на север, он появлялся и вез меня. Только через пять лет, когда я вернулся к подножию Тянь-Шаня, я снова увидел его. Мы были окружены волками, и я сыграл мелодию, чтобы их отогнать. Он пришёл вместе с вожакom стаи. Видимо, увидев, что я держу на руках младенца, и мне тяжело, он нарушил свои обычаи и повёл нас в город, всю дорогу неся моего сына. Ши Эру тогда ещё не было года, а он даже не заметил, что его унесли из моих рук. С тех пор Сюньэр остался со мной и больше не возвращалась в северные степи.

*«Князь лошадей» – бог-покровитель лошадей в китайской мифологии

— Учитель, а почему вы назвали его Сюньэр? — спросил Мужун Ли, вглядываясь вдаль на северную часть хребта Тянь-Шань, где уже виднелась пустыня. Его глаза были широко раскрыты. Он, очевидно, был потрясён её величественным и безбрежным видом.

— Не спеши, хоть и кажется, что близко, до песков ещё далеко. А Сюньэр... всякий раз появлялся передо мной в определённые дни — на десятый день второй декады или в первый день третьей. Я тогда каждый день считал, когда вернусь в столицу, и слово «旬» (сюнь — декада) постоянно крутилось у меня в голове. Так и дал ему это имя. И ему, похоже, оно очень нравится.

Два путника шли и болтали, смеясь на ходу, совсем не ощущая усталости. И только когда Мужун Ли действительно ступил на пески пустыни и с удивлением воскликнул: «Этот песок как будто течёт!», — Го И не мог удержаться от смеха. В нём не осталось ни капли той прежней серьёзности, казалось, он вовсе отбросил мирские заботы и стал просто беззаботным юношей, не отличающимся возрастом от своего ученика.

Когда Го И вдоволь насмеялся, они уже добрались до первого оазиса на границе с северными степями.

Место было небольшим, и на первый взгляд, вокруг не было ни души. Мужун Ли подошёл к воде вместе с Го И. Он посмотрел на чистое озеро, в котором отражалось солнце, лёгкая рябь разносилась по поверхности от лёгкого ветерка, волна за волной, переплетаясь с низкорослой зеленью и редкими тропическими деревьями по берегам, отгоняя часть дневной жары.

Солнце стояло в зените, и только тогда Мужун Ли вспомнил, что они с Го И вышли из дома глубокой ночью. Он воскликнул «А!» и, перестав плескать воду себе в лицо, повернулся к Го И, который также умывался, очищая лицо от пыли:

— Учитель, а когда вы вчера велели Сюньэр вернуться и передать весточку младшему брату, вы сказали, во сколько мы вернёмся? Сейчас уже полдень, даже если сразу выдвигаться назад, мы будем только к вечеру... младший брат, наверное, волнуется?

Го И рассмеялся и, усадив Мужун Ли под деревом, сказал:

— Раз уж мы выбрались повеселиться, не называй меня всё «учитель» да «учитель». Лиэр, зови меня просто по имени - Исюань.

Он посмотрел на застывшее лицо Мужун Ли и снова расхохотался. Одновременно говорил:

— Когда-то я уже бывал в этих краях и нарочно припрятал здесь немного вина. Даже свой походный нож закопал неподалёку. Если никто его не нашёл, как раз можно будет побаловать себя.

С этими словами он взял палку, стал прикидывать место под деревом и начал копать.

Мужун Ли уставился на него во все глаза, сердце бешено заколотилось. Простые два слова (иероглифа) — «Исюань» — застряли у него в горле, не даваясь. Он смотрел на каждое движение Го И, будто перед ним оказался незнакомец. Никогда бы он не подумал, что его строгий учитель может быть таким — весёлым, свободным, даже позволяющим ученику звать себя не по званию, а по личному имени!

Такое близкое, почти интимное обращение... как же он, человек и без того запутавшийся в своих чувствах, мог не начать думать о большем?

— Да! Оно все еще там!

Го И радостно закричал и в мгновение выкопал большую яму. С видом сокровища он достал оттуда глиняный кувшин с вином и обнаженный кинжал.

Когда Мужун Ли увидел кинжал, его глаза мгновенно покраснели. Он не смог больше сдерживаться, схватил Го И за запястье и взволнованно спрашивая:

— И... Исюань... этот кинжал... неужели это тот самый, что Ли-эр подарил тебе в детстве... в твой день рождения?

Го И с улыбкой кивнул, аккуратно положил кинжал перед собой, затем легким движением руки снял глиняную пломбу с кувшина и передал его Мужун Ли:

— На, попробуй. Это твоя ши-ниан (жена учителя) сделала... Я всё никак не решался выпить.

Ши-ниан... снова ши-ниан?

Мужун Ли молча принял кувшин, задрал голову и сделал большой глоток, после чего протянул его обратно Го И, с силой вытер капли вина с подбородка и с восторгом воскликнул:

<http://bllate.org/book/13723/1213800>